

Имитация страсти

Автор:

[Евгения Михайлова](#)

Имитация страсти

Евгения Михайлова

Детектив-событие

Василиса считала, что ее карьера удалась. Роскошная жизнь в Америке, богатый муж – о чем еще может мечтать бывшая модель? Но на самом деле их семейная жизнь под угрозой...

Ксения наконец-то смогла устроиться в Штатах. Вначале ей понравилось работать няней в шикарном особняке, однако потом Ксения поняла, куда попала, но было уже поздно...

Для бывшего криминального авторитета Александра сытая и обеспеченная жизнь скучна и однообразна. Но с бизнесом начались проблемы, а партнеры решили подвести в самый неподходящий момент...

Как известно, бывших бандитов не бывает, и если ты решишь связать свою жизнь с одним из них – приготовься к худшему...

Евгения Михайлова

Имитация страсти

© Михайлова Е., 2019

* * *

Посвящается Евгении Леоновне Баклановой-Уитфильд, человеку, который видит свет открытий во мраке тайн...

АВТОР

Все события и персонажи романа вымышленные.

Совпадения с реальными фактами случайны...

Часть первая. Работодатели

Она

Когда я впервые увидела Василису, она показалась мне моложе своих тридцати лет. Это была женщина, которую в ряду точно таких же с ходу не узнаешь. Воительницы многочисленных отрядов моделей, которые идут по земле походкой от бедра, впиваясь в почву острием каблуков на туфлях огромного размера. У каждой одна скромная и великая цель – выйти замуж за богатого.

Василиса была замужем. Меня наняли в няни к ее двум мальчикам – трех и шести лет. Я стояла перед ней на толстом белом ковре, а она развалилась в кресле, вытянув длинные ноги вперед и врозь, остро и, как мне показалось, презрительно рассматривала меня узкими черными глазами. Она была в очень коротких шортах и крошечной полоске ткани на плоской груди. Я проехала по жаре больше ста километров, забыла взять в дорогу воду, но из гордости не

просила ни разрешения сесть, ни стакан воды. Отвечала на ее вопросы, откровенно и внимательно разглядывая ее лицо – крепкие лицевые кости правильной конструкции, туго обтянутые ровной, блестящей от крема кожей, – сильные руки, ноги, мускулистую впадину вместо живота, длинную жилистую шею. И вставила мягко, как будто в восхищении:

– Извините, что так смотрю на вас. Вы, конечно, модель?

Это был безошибочный ход. Василиса заулыбалась, показывая два ряда сверкающих имплантов. Предложила мне сесть на кресло рядом и рассказала, что в России она была ведущей моделью. Ну, почти ведущей. Да и в Америке ее уже заметили, и один агент даже намекал, что может добыть ей роль в Голливуде.

Я восхищалась, удивлялась, хотя слышала много раз все эти истории праправнучек нелепой, жалкой и убогой Насти из пьесы Горького «На дне». Они становятся миллионершами, носят наряды от-кутюр, живут в самых дорогих местах мира, оставаясь в душе простыми, часто очень примитивными девчонками из деревень средней полосы России. И через короткое время Василиса уже делилась со мной самыми пикантными подробностями своей биографии. Принесла поднос с выпивкой, закуской, фруктами. Смотрела, как на подругу, приезда которой еле дождалась. Из чего я сделала вывод, что она очень одинока и в семье, и по жизни. И это обычная история эмигрантки, которая приобрела обилие богатой мишуры в обмен на потерю всех своих самых маленьких и главных привязанностей и привычек.

Дом в элитной местности Санта-Фе, в каком жили Василиса и Александр Груздевы, был отличный, такие стоят несколько миллионов долларов.

Мы подписали договор на довольно скромную, впрочем, сумму, что меня не удивило: русские эмигранты очень скупые, какими бы богатыми они ни были.

Дети спали в детской. Василиса провела меня по комнатам, террасам, саду. Все было прекрасно и очень стереотипно, безлико. Ничего такого, по чему можно судить об эстетических и творческих предпочтениях людей. Так бывает у тех, кто или не обладает вкусом вовсе, или очень боится, что его вкус вульгарен, выдает ничтожность личности.

В саду мы встретили угрюмого типа, который выгуливал двух риджбеков. Василиса представила его мне как Григория, друга семьи, который живет у них. Само по себе это, конечно, странно. Но у меня уже складывалось определенное ощущение: в этом доме, в этом семействе странным будет многое.

По договору я должна была жить в доме с ночевкой четыре дня в неделю. В пятницу вечером могла ехать домой. Мы с мужем тогда жили довольно далеко от Санта-Фе. Мой Степан работал водителем у американского писателя, который был слепым. Он поселил нас в небольшом, удобном гостевом домике в своем поместье. С Гарри в доме жила прислуга и Эби, секретарь, которая записывала то, что он диктовал.

Потом проснулись мальчики, Василиса нас познакомила. У них были русские имена – Коля и Петя, но родились они в Америке.

– Мы дома говорим только по-русски, – сказала Василиса. – Потому я и искала русскую няню. Хочу, чтобы они знали язык. Вдруг придется вернуться.

Странные слова «вдруг» и «придется». У человека, уверенного в своем положении, ничего такого вдруг не происходит. Или он планирует вернуться, или нет. Мальчики обычные, но не очень похожие на американских малышей – уверенных, коммуникабельных, здоровых и веселых. Эти были довольно робкими, слишком бледными и худыми, на мой взгляд, детьми. Возможно, в доме царит культ модельной диеты, чтобы у Василисы не было соблазнов.

Этот день у меня был еще нерабочим, я даже без вещей приехала. Поэтому Василиса отправила детей гулять, а мы с ней продолжали болтать обо всем. Она предложила перейти на «ты». В доме были еще кухарка и горничная.

– Вася, – спросила я. – Для тебя принципиально, чтобы детям готовила кухарка? Я это к тому, что хорошо знаю полезную и вкусную детскую кухню, могла бы иногда побаловать мальчиков.

– Да ради бога, – равнодушно сказала Василиса. – Если тебе охота.

Она неплохо говорила по-английски. А ее русский язык выдавал все: и взросление в специфической среде российского «ниже среднего класса», и отсутствие высшего образования, и довольно низкий культурный уровень в

принципе.

Проще говоря – откровенные провалы в невежественность у человека со способностью приспособляться к среде и довольно живым умом. Василиса показалась мне не злой, не мелочной, но и не доброй. Доброта – это сознательная, глубокая категория зрелой личности. Василиса такой не была. И один момент меня в этом убедил окончательно.

Мы говорили на ее любимую тему – о моделях и сказочных перспективах их судеб. И я сказала какие-то хорошие слова о Наталье Водяновой. О ее благотворительности, об облике инфантильной девочки-подростка, одаренной поэтической и романтической сексуальностью роковой женщины.

Василиса вспыхнула, наговорила гадостей и о Водяновой, и о ее муже. В результате надулась и смотрела на меня подозрительно и с раздражением.

Я поняла, что нашла ее главную болевую точку. Ее апломб, заносчивость, самовлюбленность постоянно натываются на страх разоблачения. Она боится, что люди видят ее вовсе не такой прекрасной, какой она пытается перед ними выглядеть. Это значит, в ее присутствии других можно только ругать, ее хвалить – и все будет в порядке.

Я провела там много часов в тот первый день, а хозяин так и не появился, хотя он был дома. Так сказала Василиса, а кухарка, уточнив у нее, что ему отнести на обед, повезла к его двери сервировочный столик. На нем бутылок было больше, чем тарелок.

Он

Я приехала с вещами через день, устроилась в отведенной мне комнате на втором этаже, рядом с детской. Мальчики опять тихо, практически без звука сидели у себя, складывали какие-то кубики, не разговаривая даже друг с другом.

Это были дети, уверенные в том, что они никому не интересны, в том, что их главная задача – не причинять взрослым неудобств.

Василиса, при полном параде, пила в гостиной кофе.

– Ксения, – сказала она мне. – Присядь, выпей со мной кофе, потом можешь сходить на кухню – нормально поесть. Хочешь, Маше скажи, чтобы тебя покормила. Хочешь, сама сделай то, что любишь. Можешь, как собиралась, и ребятам что-то приготовить. Я надолго.

И она перечислила дела на этот день. Главным была консультация у пластического хирурга. В зависимости, как там пройдет, показ мод известного дизайнера, список магазинов. И, что характерно, ни одной встречи с подругами, как обычно бывает у праздных богатых дам.

– Не представляю, зачем тебе пластический хирург, – сказала я, тонко намекнув на то, что она – практически совершенство.

На самом деле у Василисы была пусть и стандартная, но вполневершенная внешность. Именно умеренность, жесткость, отсутствие ярких излишеств были ее достоинствами, как в архитектурном строении.

– Да ладно, – кокетливо отмахнулась она, оценив комплимент. – Ты просто не представляешь себе, как это бывает. Прожить почти тридцать лет без еды, без груди, без зада. Чувствовать себя просто вешалкой для самого узкого платья. Это одни разговоры, что нами все восхищаются. Конечно, когда ты стильно одета, накрашена как надо, да еще длиннее всех в зале, даже мужиков, это вроде даже шикарно. А потом в постели тебе любая пьяная скотина скажет, какая ты страшная и костлявая, как у него на тебя не стоит. И все лишь для того, чтобы не заплатить. И тебе жить не хочется, а надо вставать и опять маршировать на тридцатисантиметровых каблуках по подиуму. Мне нечем было кормить детей – ни молока, ни того места, где оно могло бы поместиться. Мне больно сидеть на своих костях. А собственный муж пялится на фото голой Мэрилин Монро – с ее выменем и большими губами. – Василиса глубоко задумалась и уныло добавила: – Губы – это единственное, что я могла накачать, когда работала. Но то времени не было, то сил, то денег.

Вывод из всего сказанного один: Василиса не была даже отдаленно прямой среди моделей.

- Понятно, - подвела я итог ее откровений. - Не мое дело, конечно, но на всякий случай скажу. С пластическими хирургами главное - вовремя остановиться. Твой стиль - сдержанность, напряженная выразительность. Так мне кажется.

- Здорово ты говоришь, мне нравится. Ты где-то училась?

- Я - кандидат математических наук. Была им в России. Как я здесь оказалась, об этом потом, если будет интересно. Но я люблю детей, и мне нравится моя работа сейчас.

- Ну ни фига себе. Так я у тебя буду просить помощи, чтобы разобраться с деньгами, ладно?

- Разумеется.

Василиса уехала. Я прошла на кухню, объяснила Маше, что хочу приготовить детям суфле из яиц и творога с клубникой на второй завтрак.

- А у них нет второго завтрака, - заметила она.

- Теперь будет. Им не хватает веса, румянца и хорошего настроения. Они даже не загорели. И это в таком сказочном климате. В саду - шикарный бассейн, но я не видела там мячей, детских матрасиков. Думаю, они не купаются.

- Нет, конечно, - засмеялась Маша. - Ну давай, делай революцию. Если что, я с тобой. Тут не сильно весело.

Коля и Петя глотали мое суфле потрясенно, время от времени они синхронно останавливали на мне общий вопросительный взгляд: «У нас что-то хорошее случилось?»

Я собрала посуду и понесла поднос на кухню. Нужно было пройти через гостиную, и я там чуть не налетела на высокого человека с бритой головой и продолговатым загорелым лицом, на котором выделялись очень светлые глаза.

В первый момент они показались мне почти белыми. Глаза уставились на меня без выражения, темные губы даже не шевельнулись в ответ на мое приветствие.

Я, конечно, поняла, что это хозяин, Александр.

– Я – няня. Меня зовут Ксения, – сказала я.

– Ладно. Будем знакомы. Ты в кухню? Принеси мне бутылку виски и пожрать. Машка скажет, что где. И тащи прямо к бассейну.

– Хорошо. Александр, я как раз спросить хотела: когда я могу привести в бассейн мальчиков искупаться? Это в принципе возможно?

– Только не сейчас. Не люблю суеты. Когда я уйду оттуда, приводи.

– Детям было бы удобно через час. Как раз побыть там до обеда.

– А мне удобно, чтобы мною не командовали. Пока я там сижу – не беспокоить. Потом купайтесь сколько влезет.

Ну что же. Считаю, я вступила в достаточно плодотворный контакт с главой семейства.

Я спокойно съездила в магазин и накупила всего, что нужно для веселого детского купания. Взяла две упаковки с красивыми детскими плавками, детские темные очки. Чеки сохранила для Василисы. На кухне я пересмотрела запас продуктов в двух огромных холодильниках, изучила список покупок, который утверждают Маше на неделю. Внесла дополнения, выделила их пометкой «для детей». И принялась доводить до ума жалкий, безвкусный обед, который Маша приготовила мальчикам.

Я успела покормить ребят, почитать им русские сказки, уложить для послеобеденного сна. Потом мы еще погуляли по саду, и я издали увидела, как Александр, пошатываясь, налетая на предметы и чертыхаясь, направился к дому. Так что первое купание Коли и Пети в собственном бассейне случилось ближе к ночи.

А потом приехала усталая и возбужденная Василиса. Бросила яркие пакеты с покупками на пол в гостиной, крикнула Маше, чтобы принесла ей холодной воды и нарезанную дыню. Упала на шезлонг у раскрытой террасы и стала показывать мне документы и счета от пластического хирурга.

Я только ахнула. Хороший сегодня был улов у этого портняжки, который перешивает богатых дур по их самым безумным фасонам.

Василиса выбрала для себя все самое большое – губы, груди, ягодицы. Но это будет осуществляться по этапам. Стоимость этапов и была самым интересным в договоре. Для меня, по крайней мере. Результат уже предсказуем и непоправим, что очевидно. Надежда лишь на то, что не будет внутренних осложнений. Внешне это все и задумано как великое осложнение. А суммы такие, что я никак не могла приложить их к тому магнату, который проковывлял недавно от бассейна по дорожке, оставляя за собой алкогольный туман. В какой области он магнат?

Интуиция мне подсказывала, что этот вопрос Василисе лучше не задавать. Она подсказывала мне и другое: рано или поздно картина сложится. Если не спрашивать Василису ни о чем и не будить ее подозрительность, обо всем проболтается сама.

Забавный момент. Я дала ей чеки на детские игрушки и тряпочки – это были очень маленькие суммы по самым нищенским понятиям, а она надулась, как от угрозы банкротства. Потом сказала:

– Ладно. Оставь. Я добавлю это, когда буду чек тебе за неделю выписывать. Но в следующий раз спрашивай, можно ли что-то купить. А то будет за твой счет.

Я кивнула, мило улыбнулась и шепнула в свой стакан с водой: «Хабалка».

Мы еще с ней посидели, потом разошлись по своим спальням. У Василисы она не просто отдельно от мужа, но в противоположном конце коридора. Она объяснила это тем, что у него бессонница и он врубает по ночам громкую музыку.

Моя комната – почти напротив его спальни. Я открывала дверь ключом и слышала мужские голоса в комнате хозяина. Один – его, другой того

непонятного типа – Григория, который выгуливал в саду риджбеков.

– Сань, говорю же: я видел его сегодня в банке Лос-Анджелеса, – говорил Григорий. – Точно он. Илюха – следак из московской прокуратуры. Нос его длинный, глаза, как у шакала.

– Ты ж сказал, он в Лондоне живет?

– Так он там и живет, только что погуглил. Что-то ему тут надо.

– Он тебя узнал?

– Вроде не видел.

– Но ты точно уверен? Следак хромал. А этот?

– Так этот вообще в инвалидном кресле сидел. Забыл, что ли? Хмырь ему же позвоночник прострелил тогда, в Люберцах. Мы думали – все. А его откачали. Но позвоночник, видно, с концами, раз в кресле. Ты тогда еще сказал Хмыря убрать.

Наступила пауза, я трясущимися руками открыла дверь, закрылась изнутри и стояла долго, прислушиваясь: не выйдет ли кто-то из логова моего нового хозяина.

Да, это, конечно, магнат. Олигарх, мать его. Я в доме настоящего бандита. И он явно боится слежки и преследования – вот и причина уединенного существования. А такие бандюганы свидетелей не оставляют. Не дай бог, кто-то из них заподозрит, что я не глухая и не слепая. Черт их знает, куда подевались предыдущие няни или их тела.

Григорий

Как-то пролетели дни до моих выходных. В пятницу Василиса выдала мне чек на пятьсот восемь долларов. Добавила то, что я потратила на детские вещи.

Я села в машину и очень старалась ехать медленно. Хотелось рвануть на предельной скорости и ехать, не останавливаясь, до мексиканской границы. Спрятаться куда-то и, разумеется, забыть, что на земле есть яркий, картинный уголок Санта-Фе с бандитской малиной «а ля рюс».

Но приехала я, конечно, домой. Я безумно домашний человек. Мой дом – это подушка, на которой я уже спала, ванная, где стоят мои кремы, вешалка с моими халатами. Да, и муж, конечно. Хотя с последним все сложно. Но мы вместе с ним выбрались из такой страшной беды, что настало время изживать ее, выбраться из нее поодиночке и потом вновь пробиваться друг к другу.

Степан был на кухне, готовил ужин на двоих. Когда меня нет, он питается в главном доме, вместе с хозяином Гарри и секретарем Эби.

Он обнял меня и внимательно посмотрел в лицо:

– Все нормально?

– Да. Заплатили. Просто устала. Непростые люди. А дети хорошие, жалкие.

– Что значит – жалкие?

– То и значит. Жалко их. Отец – козел, мать – дура. Подробнее – потом, если захочешь. Мне бы забыть о них на время.

– Конечно. Мои руки, у меня все готово. А расклад с детьми не такой редкий, сама знаешь. Привыкнешь. Раз платят.

Я точно знала одно: Степану нельзя рассказывать о моих наблюдениях и догадках.

Помочь он тут ничем не сможет, только в очередной раз впадет в раздражение по поводу моей способности влипнуть в неприятности. Ему кажется, мы уехали на другой край земли не только от своей катастрофы, но и от возможности любых бед и сложностей в принципе. Его родственник, который нас и вызвал, сразу рекомендовал его доброму и умному Гарри, человеку тактичному и щедрому. Степану с хозяином легче, чем со мной. Да и с секретарем хозяина легче, чем со

мной. Эбигейл была крупной, загорелой, жизнерадостной и наивной до степени легкого, милого слабоумия.

А у меня было два дня, чтобы подумать о том, стоит ли возвращаться в понедельник в дом Груздевых. И я думала об этом круглосуточно. И когда спала, ела, разговаривала со Степаном, Гарри и Эби. Купалась в океане. В прохладной, упоительно нежной, прозрачной и ароматной воде сердце замирало от желания уплыть вместе с волной до какого-то райского уголка. Существует же место, где будет только покой, где оживет моя радость, где смогу без страха и боли произнести слово «любовь».

К понедельнику задача была решена моим математическим мозгом. Именно бегство и есть опасность. Не говоря о том, что не смогу никогда вырвать Степана из дома Гарри, где он, кажется, нашел все, что ему было нужно.

Надо заметить, что крутить руль по красивым дорогам с живописными пейзажами ему сразу понравилось гораздо больше, чем корпеть за пыльным столом в нашем нищем НИИ, который влачил существование до близкого и очевидного конца.

Поверхностный анализ бандитской психологии выдал главный вывод. Хищники бросаются догонять именно бегущую добычу. Они сразу заподозрят, что я что-то поняла, узнала, подслушала. А пока все нормально, я спокойно гуляю с детьми, кормлю, пою с ними песни, играю в игры, я – просто мебель для них. И моя задача – быть удобной и приятной в употреблении.

Александр явно скрывается от какой-то опасности. Легко предположить какой. Украл, попался, бежал, все продолжил, раз живет богато, значит, усугубляет свои преступления. Они могут замереть так на долгие годы. И мы в Америке, где зарывать свидетелей под каждым кустом не так легко. Я даже думаю, что это очень трудно. И самая любопытная няня – не самый страшный враг.

Только в понедельник, по дороге в поместье хозяев я вдруг увидела перед собой два детских личика, Коли, старшего, с голубыми глазами, и маленького Пети – с черными, как ночь. Увидела, не смогла отмахнуться, и сердце мое затопило теплой, терпкой волной. Жалость – та великая роскошь, которую я с этого дня себе позволила.

Дом меня встретил привычной уже тишиной, обманчивой, как светские манеры Василисы, как эффект надежности добротного поместья, якобы для приличной династии.

Василиса лежала на террасе на циновке в стрингах и топлес, уткнувшись носом в монитор ноутбука. Она сосредоточенно и мучительно изучала то, что могло показаться сложными чертежами странных строений. Так оно и было. То были будущие строения ее несчастной внешности, которую уже решено перелопатить, перекроить, обрезать, растянуть. А затем живое тело набить и начинить фиг знает чем, и, главное, непонятно зачем.

Она в ответ на мое приветствие помахала мне левой ногой сорок шестого размера, не меньше. И пробормотала, чтобы я занималась детьми, а ей не мешала.

Отличная просьба, разговоры с Василисой уже стали утомлять, как все бессмысленное, например переход в лапах мелких луж.

Мальчишки мне явно обрадовались, по-своему, тихо, робко, с непривычной для них, еще недоверчивой надеждой.

Я купила по дороге яркие чудесные книжки – раскладушки со сказочными городами, зверями, дворцами, избушками. И всем этим можно управлять. Даже часы в игрушечной комнате у камина, который горел почти настоящим огнем, можно было поставить на нужное время.

Отныне то, что я им буду покупать, – это мои подарки, и только. Пусть их мамаша-жлобиха запихнет себе в ягодицы на пару долларов больше. А уж как я желаю хозяину глубокого, беззаботного алкогольного забытья – это даже словами не опишешь. Сама бы подавала ведрами и «спасибо» говорила.

Мы играли, занимались, питались, купались в бассейне. Там, у воды, со мной случилось такое...

Коля еще барахтался, а малыша я вынесла, закутала в большое полотенце. Он привалился блаженно ко мне, и я его немного побаякала. Он повернул головку, посмотрел мне в лицо распахнутыми, изумленными глазищами, просто окатил темной горячей волной, а потом взял мою руку и легонько лизнул теплым,

розовым язычком. Как благодарный, счастливый, преданный щенок.

Сердце мое загорелось и взорвалось. Не могу пока об этом говорить, но я сознательно, решительно и окончательно закрыла для себя тему детей. Тему именно этой невыносимой, ни с чем не сравнимой нежности. Вот тут-то мне бы и подумать о бегстве всерьез. Пока я в этом доме одна. Пока не приросла к этим беспомощным цветочкам, которых можно смести с земли ладонью, растоптать ногой. Но было уже поздно. На моей руке след такого поцелуя, который я всем своим протестом не смогу смыть с сердца, который может приковать меня кандалами к этому маленькому тельцу.

Я отвела детей в их комнату, уложила.

Была в такой страшной растерянности, что лишь через пару часов вспомнила, что все забыла у бассейна. Так и оставила в беспорядке игрушки, матрасики, мокрые плавки и полотенца.

Не дай бог, приплетется туда Александр, скандала не избежать. Будет орать, дети услышат в открытые окна.

Я пришла к бассейну уже в сумерках. Издалека почувствовала густой и сладкий запах марихуаны. В шезлонге лежал Григорий, а по обе стороны от него лежали риджбеки. Меня остановил их тихий, но не оставляющий сомнения рык. Это красивые собаки, нет им цены у добрых людей. Риджбеки могут быть ласковыми и добродушными. Но в руках бандита – это грозное оружие.

– Фу, лежать, – скомандовал им Григорий. Он курил трубку, набитую травой, рядом стояли пустые и полные бутылки с алкоголем. – Подходи, не бойся. Пора нам познакомиться. Я – Гриша, а ты, слышал, Ксюша. Не хочешь выпить на брудершафт?

– Нет, – ответила я. – Мы с тобой и так вроде уже на «ты». Я в доме няня. Мне с марихуаной и выпивкой тут не задержаться. Да и не люблю я все это.

– Да ладно. Хоть посиди рядом. Я тебя даже не рассмотрел еще ни разу. Ты вроде ничего. Расскажи о себе.

Я села на шезлонг, который стоял на относительно безопасном расстоянии от Гриши и его псов, и постаралась говорить без дрожи в голосе. Боялась я его больше, чем собак.

– Да, собственно, нечего и рассказывать. Просто приехали с мужем из России. Погреться, немного заработать. Там у нас кое-что случилось.

– Долг за квартиру? – нетрезво заржал Григорий. – Или от ипотеки сбежали?

– Типа того, – сухо ответила я. – Слушай, возьми собак на поводки. Мне нужно здесь детские вещи забрать, а то хозяйка рассердится. И надо бежать: дети проснутся, захотят пить.

Он лениво, растягивая удовольствие от моего страха, поднялся, прицепил поводки к ошейникам и уставился на меня.

– Я издали думал, что ты ничего. А теперь рассмотрел: да ты красотка. Люблю таких. Локоны до плеч, глаза, как каштаны, а губы, как у Мэрилин Монро. У хозяина висит портрет. Уж не знаю, что он на него делает. Слушай, я живу вон в той рожице. Не зайдешь в гости?

– Спасибо, но точно – нет. Мне не нужны неприятности.

– Так ночью все спят. Какие неприятности. Мы могли бы договориться и по деньгам.

– Я не проститутка, Гриша, если ты не понял. Какие у тебя проблемы? Поищи в Инете, позвони, девушка к тебе приедет. Или несколько. И как Монро, и как Лиз Тейлор, и как Кидман с Пенелопой. Для русских в Америке – все Голливуд. Я – точно нет. Забудь.

– Это ты зря. Я чаще всего делаю предложения, от которых не отказываются. Когда мне идут навстречу, жизнь складывается: хозяева добрые, деньги стремятся к увеличению. Если нет, собаки сердятся, камни становятся скользкими, дети болеют. Мало ли что...

– Ах ты... – слова «скотина» и «подонок» я прикусила на кончике языка. – Не люблю, когда мне угрожают. В свете того, чего ты хочешь, это ничему не способствует. Боюсь, ты не знал человеческих отношений. Давай оба попробуем, постараемся, может, и пойдем друг друга. А пока я пойду.

Я влетела в свою комнату со сведенными от паники и ненависти зубами. Сердце колотилось так, что его стук могли услышать через стенку. Из всех возможных опасностей дома эта наглая тварь – сейчас самая очевидная беда.

Я вспоминала его широкое лицо с перебитым носом, мерзкие, растянутые в кривой улыбке губы, беспощадные глаза, огромные руки... Такие ни от чего не отказываются, не забывают, не прощают. И, в отличие от собак, они необучаемые – не знают команд «Фу», «Стоять», «Сидеть». Какая жалость.

Часть вторая. Путь домой

Кровь под фонарем

Как описать прошедшие с тех пор полгода? Мои хозяева стремительно менялись внешне.

Александр, совсем недавно вполне себе подтянутый, стройный качок, которому сразу и не дашь его полтинник, превратился в отекшую, неряшливую, брюзгливую и распущенную рухлядь с обвисшим животом. Теперь уже любого возраста, стремящегося к трехзначной цифре.

Василиса сознательно и уверенно превращалась в несомненное чудовище.

Если во время первой встречи она мне показалась моложе своих тридцати, то сейчас была похожа на существо, к которому человеческие категории, в том числе возраст, не имеют отношения.

Все естественное переставало иметь к ней отношение. Два несуразных, ничему не пропорциональных предмета были вмонтированы в ее стройную, без единой жиринки, отлакированную фигуру, которая могла, по идее, быть только плоской и узкой: в том и было ее совершенство. Теперь впереди торчал бюст размера где-то шестого, если не восьмого. Сзади – ягодицы, как деревянная будка, сидеть на которой может только мазохист.

Но самой страшной деталью были огромные резиновые губы, сожравшие ее бедное, когда-то строгое и правильное лицо. Они никогда не захлопывались до конца, придавая лицу выражение похабной придурковатости. Даже красивые темные глаза Василисы, изменив разрез по чертежу «восточного рисунка», утратили живой блеск и яркость. Она могла смотреть прямо на меня, а у меня не было ощущения, что она меня видит.

Григорий окончательно распустился, пил, курил траву, думаю, кололся. При этом он регулярно, с маниакальным упорством качался в тренажерном зале, тренировался, бегал, плавал, натаскивал собак и часто выезжал по каким-то важным делам.

Однажды я проходила мимо его машины, и он, возможно, сознательно открыл перед моим носом багажник. Там был целый боевой арсенал. Биты, дубинки, пистолет и автомат.

Не представляю себе американца в своем уме, который положил бы хоть что-то, отдаленно напоминающее оружие, открыто в багажник. Но урка из России себя уважать перестанет, если он не готов уложить сразу и сколько угодно ни в чем не повинных людей.

Он мне это показал, потому что ни на минуту не оставлял любимого, уже привычного занятия и главной идеи – запугать меня до смерти и тем самым вызвать во мне ту уродливую смесь страха и вожделения, какой кажется ему страсть женщины.

Я со своим упорством, достойным его тупого, неотвратимого напора, продолжала доводить до его сознания истинное положение вещей.

Оно таково: все, что он демонстрирует, вызывает во мне отвращение, отвращение и в сотый раз отвращение. Мужчина, который хочет, чтобы женщина

его боялась, – это подлая крыса без пола.

Сложность моей задачи заключалась в том, чтобы это была песня без слов, без резких жестов, исключительно на телепатии. Формально у него не было повода для дикого поступка, мести, окончательного срыва.

Я терпела его омерзительные комплименты, липкие касания, попытки при любой возможности залезть под юбку или схватить за грудь. Я терпела, но каменела в ненависти и желании любого зла этой твари, которая совершенно непозволительным образом отравляет чистый воздух на земле. Стоило мне выдать свой гнев, как Григорий начинал цепляться к детям, пугать их собаками... А это была настоящая опасность. В такие моменты мне казалось, что я могу его убить.

Как-то так получилось, что я все чаще не уезжала на свои выходные домой. Конечно, Василиса и не подумала это заметить в свете прибавки, к примеру. Но мне было легче торчать здесь, как часовому у клетки с маньяками-убийцами, из которой они в любой момент вырвутся, чем лезть на стены от страшных предчувствий в мирном доме Гарри, рядом со Степаном, который между покоем и моей жизнью выберет, конечно, первое.

Из хорошего. Дети подросли, окрепли, стали плотными, золотисто-загорелыми и веселыми, как и положено детям.

Из плохого: они страшно – именно страшно – привязались ко мне как к единственному человеку, которому нужны. Который хочет, чтобы им было хорошо, тепло, вкусно, уютно и радостно. В общем, именно так и выглядела моя новая беда, и нет сомнения в том, что это она. Если бы не доверие детей, если бы не моя зависимость от их смеха, плача, теплого дыхания, уроды Груздевы уже давно забыли бы, как меня звать, в веренице своей прислуги.

Уверена, что никто не задерживался здесь так долго. За эти полгода сменились четыре кухарки, горничных я даже считать не стала.

А контролируемая беда – это бессонная ответственность. Да, хозяйева привыкли ко мне, как к удобной мебели, расслабились по моему поводу совершенно. Ничего не закрывали от меня – ни двери, ни сумки, ни компьютеры. Пользовались мною, как прислужгой, по любому поводу: подай, принеси,

расскажи, посоветуй, посчитай.

Мне кажется, они считали меня типа блаженной. А я смотрела, искала, запоминала и слушала, как агент разведки на задании.

Мой хозяин переводил по Интернету по пять и больше миллионов. Приходили к нему сообщения о получении еще больших сумм. И он их вновь переводил, но уже в другие места. Вот эти переводы после получения неизменно совпадали с поездками Григория. Можно предположить, что он обналичивает и прячет грязные деньги.

Однажды в пятницу, когда Василиса должна была выдать мне чек на пятьсот долларов, оказалось, что Александр уехал из дома на ее машине, а она там оставила сумку с чековой книжкой. Василиса вошла в кабинет мужа, взяла его книжку, выписала чек, отдала мне книжку сказала вернуть на место.

Я обнаружила, что она на фамилию Слепцов.

Спросила непринужденно:

- Вася, Груздева - это твоя фамилия?

- Да, - ответила она. - Саша взял ее, когда мы поженились.

- Вы в России поженились?

- Нет. В Таиланде. Я там была... ну, как модель, на секс-тренинге, такие проводятся для эскортков. А Сашу как раз выпустили из тайской тюрьмы, взяли по какому-то недоразумению. Мы сразу влюбились, поженились. Потом уже приехали сюда.

- Отлично, - радостно сказала я. - Не жизнь, а приключение.

Ночью я погуглила.

Александр Груздев - это в поиске не дало интересных результатов, и по фото ничего похожего. А вот Александр Слепцов, Таиланд, тюрьма - совсем другая

песня. И фотка узнаваемая нашлась.

Довольно известный московский бизнесмен арестован заочно по обвинению в крупных хищениях, рэжете, грабежах и убийствах. Внезапно обнаружилось, что он и почти легендарный бандит Сашка Слепой, который наводил страх на Москву и Подмоскovie вместе с подельницей Сюзанной Цатурян, – одно лицо. В это время Слепцов уже был за границей. По запросу России объявлен в международный розыск Интерпола. Взяли в Таиланде. А перед самым судом, по которому его ждал безразмерный срок, если не казнь за контрабанду в страну наркотиков, в лучшем случае – экстрадиция на родину, российский консул от дела отсекся.

В смысле: мы уже утратили к нему интерес, никаких доказательств, свидетелей и участия не будет. Вот тогда освобожденный узник вышел на свою оплаченную свободу с чистой совестью и женился на подвернувшейся под руку участнице секс-тренинга.

В точном переводе – это проститутка, как вы, наверное, поняли. И, конечно, от большой любви взял не только ее худосочное тело, но и фамилию.

Рэкетир и убийца Слепцов затерялся в Таиланде, незапятнанный семьянин Груздев въехал в Америку. Подделка документов, подкуп должностных лиц – все это было в его уголовных делах в России. И в этом он – профи.

Такая информация позволила мне сделать важное наблюдение. Многие банковские операции по ноуту Александра совпадали с новостями криминальных сводок. Это были грабежи, похищения с требованием огромного выкупа, контрабанда наркотиков.

Как-то со всех экранов и ресурсов хлынул поток драматичных сообщений. Неизвестные похитили сына влиятельного медиамагната. Связались с одной из его газет и назвали сумму выкупа – десять миллионов долларов наличными. Отец отказался от помощи полиции по требованию похитителей, и на переговоры выдвинулся его личный частный детектив. Из солидарности с коллегами все американские издания засекретили подробности переговоров с похитителями. В тот же день сообщили, что достигнуто соглашение о сделке. Бандиты взяли деньги, вернули сына и прихватили двух человек из штата магната. Пообещали выпустить, если все расследования, поиски и материалы в

СМИ прекратятся одновременно и окончательно. Если будет хоть малейшее упоминание, людей медленно казнят, а видео выложат в сеть.

Магнат согласился. Все приняли его условие.

А я глаз не спускала с Александра. Он не пил и не ел вторые сутки. По ночам в его комнате под дверью виден был свет и не гремела музыка.

Я как-то хлопнула своей дверью, и хозяин меня окликнул. Он сидел у ноутбука, не отводя глаз от экрана, и велел мне принести ему холодной воды с газом и льдом. Пока я расставляла бутылки и стакан на его столике, посмотрела на страницу. Он торчал на онлайн-переводах. Раз не отправлял, значит, ждал поступления.

Я ушла, он, кажется, не заметил, что я вообще была. Никогда его не видела таким сосредоточенным, встревоженным и, кажется, злобным. Григория в поместье не было. Я не видела его двое суток. Вечером он приехал, зашел к Александру.

Я взяла на кухне большую стеклянную бутылку с томатным соком и тщательно полила им пол между нашими комнатами. Затем разбила бутылку. Взяла в руки тряпку, встала на колени и начала вытирать. Это дело можно было растянуть на сколько угодно времени. Разговор в комнате хозяина был негромкий, но, по интонациям, напряженный.

В какой-то момент у Григория вроде сдали нервы, и он почти крикнул:

– Да говорю же в сотый раз! Я понял, что за мной – хвост, не смог даже подойти к банку. И держать в машине тоже было стремно. Все лежит в надежном месте. У надежного человека. Как только пойдем, что все улеглось, отправим.

– Что за место? Адрес? Имя человека? – в тишине произнес Александр.

– Это просто рыбацья лодка. Плавает туда-сюда, бедная такая, незаметная лодка.

– Покажи на карте, где именно. Ладно. И сколько вам нужно, чтобы плавать туда-сюда?

– Слушай, что с тобой? Ты прямо бешеный. Не в первый раз в таких делах бывают заминки из-за осторожности. – Григорий вдруг захрипел. – Да ты что, ты чуть не задушил меня. Козел, ей-богу. Послезавтра все будет, я же сказал.

Он вылетел из комнаты, поскользнулся на томатном соке, чертыхнулся и чуть было не пнул меня ногой, я вовремя отодвинулась.

Значит, послезавтра. Через день. Надо быть в форме и рядом со всем.

Через день я много гуляла одна в саду, дышала свежим воздухом. Лишь ближе к вечеру увидела, как Григорий вышел из своего домика с дорожной сумкой и футляром с ноутбуком, положил это в машину. Вернулся обратно. Перед тем, как войти в дом, стал пристально смотреть по сторонам. Я опустилась на корточки за кустом, потом стала пробираться практически на животе к хозяйскому дому.

Покрутилась в кухне. посидела в гостиной у телевизора, затем вернулась к дому Григория. Окна были темными, собак не слышно. А во дворе, под фонарем, темнели багровые лужи, растекаясь по белым плитам дорожки. Я пошла рядом с ними и увидела тело Григория с простреленной головой и огромной кровавой раной на обнаженной груди. Рядом лежали расстрелянные риджбеки, красивые собаки, которые не должны жить у бандитов.

Я зажала руками рот и побежала к себе. В ванной на всякий случай отмыла горячей водой свои балетки. И до рассвета без конца бегала тереть свои руки, ноги, лицо. Прилегла, но глаза не закрывались, как будто на них зависла картинка кровавого убийства.

Я ждала шести часов утра, в это время приходит садовник. И точно. В шесть десять в доме зазвучали крики, затопали ноги.

Я вышла во двор, когда в ворота въезжала полицейская машина. Вместе с нею вернулась к дому Григория. Посмотрела еще раз. Рядом с ним лежит пистолет. Потом полиция скажет, что это пистолет Григория. Меня попросили освободить место преступления, и я ушла, успев поднять прямо там, у лужи крови, маленькую пуговицу с синей ниткой.

В комнате рассмотрела ее как следует, приложила нитку к мелкому шелковому мотку из своего шкафа. Я пришила эту пуговицу из своей шкатулки своими нитками к карману на шортах Александра по его просьбе. У меня остались еще девять точно таких же. Он тогда потерял пуговицу, а без нее постоянно боялся, что у него выпадут из кармана ключи от сейфа, с которыми он никогда не расставался. Шорты были бежевые, у меня только синие нитки, но он сказал:

- Да и черт бы с ними. Какая разница.

Перед бегством

В последующие дни я получила полную возможность ощутить своеобразие положения человека посреди облавы. Допросы, опросы, слишком внимательные, пытливые взгляды. Неожиданные экскурсы в разные темы, к которым ты не готова, но там есть какой-то подвох. В этих вопросах и своих ответах я была совершенно солидарна с хозяевами, то есть соучастница.

Я, как, впрочем, и вся прислуга, подтверждала их алиби до секунды. Мы все как-то случайно в момент убийства смотрели на часы. Сам хозяин уверенно называл имена тех, кого подозревал в страшной расправе с Григорием. Он назвал Григория своим лучшим другом и главным помощником, который управлял его капиталом, заработанным во время его управлением крупным и легальным бизнесом в России. У капитала довольно большие проценты, Григорий занимался их размещением в американские проекты. Были конкуренты, вымогатели, шантажисты. В последнее время Григорий жаловался, что ему угрожали.

Кого-то взяли, как сообщили в новостях. Человек действительно был замешан в шантажах, вымогательстве. Версия Александра стала доминирующей. Видеокамеры у домика Григория не было. Но следствие установило такую картину. Григорий забронировал билет на ночной рейс на Мальдивы. Собрал вещи, документы, ноут, положил в свою машину. Вернулся в дом, чтобы принять душ. В это время залаяли собаки. Он взял на всякий случай пистолет, вышел. Убийца стоял за дверью, напал сзади, выхватил оружие, расстрелял сначала собак, затем их владельца. Он был в перчатках, на обуви медицинские бахилы. Никаких отпечатков. Лишь за оградой в одном месте обнаружен след

останавливающегося автомобиля. Вот по этому ложному следу и пустил Александр расследователей.

В доме появились юркие и изворотливые люди, похожие на акул. Это были адвокаты Александра. Он объяснил и следствию, и даже прессе, что не успокоится, пока его люди сами не найдут убийц товарища. В какой-то момент хозяин решил, что можно отдохнуть и расслабиться. Сделал это, то есть нажрался как свинья. Среди ночи я вошла в его комнату по храпу и увидела на мониторе ноутбука приложение, по которому он видел домик Григория снаружи и внутри. Он всегда следил за своим «товарищем» в режиме реального времени.

А утром по телевизору передали сообщение. В океане взорвалась рыбацья лодка. Спасатели обнаружили в ней два обгоревших тела. После осмотра патологоанатомы сделали заявление: рыбаков убили до взрыва; каждому перерезали горло.

Однажды утром у кухарки случился истерический припадок, она била посуду, рыдала, кричала, что нас тут всех убьют. Ее быстро выкинули из дома, сунув в руки расчет. И я взялась готовить завтрак для всех. Принесла еду в комнату Александра, стала расставлять на столе. Вдруг дверь распахнулась без стука и вошел главный советник хозяина Константин Пономарев, холодный и расчетливый мерзавец. Он с порога сказал мне:

– Пошла вон.

Я взяла поднос, поставила на него бутылку с каким-то недопитым бухлом. В коридоре воспользовалась своим способом: разлила спиртное, стала тереть пол под дверью хозяина. Они говорили негромко, но слух у меня обострился до полной аномальности. Мне казалось ночами, что я через коридор, за двумя закрытыми дверями слышу дыхание Александра, угадываю каждый жест по любому шороху. Скоро видеть начну сквозь стены.

– Две новости, Саня. Начну с хорошей, как ты любишь. Все десять лимонов нашлись на счету Григория в банке Эквадора, я сам не знал, что у него есть такой. Семен-хакер отрыл. Успели перевести горе-рыбаки. Сема работает над задачей, говорит, к вечеру получится. И плохая. У сержанта полиции я видел личность, очень похожую на Илью Харитонову, следователя московской прокуратуры. Того, который шел у нас по пятам, рыл без памяти, за что

поплатился. Я совсем недавно узнал, что он тогда выжил, свалил из страны. А этот, которого я видел в полиции, как раз в инвалидном кресле. Разговора я не слышал, всего пара слов, но понятно, что о нашем деле. Или делах.

– Это точно он, – мрачно сказал Александр. – Григорий видел его в банке Лос-Анджелеса. И ему тоже показалось, что по нашу душу. Мстительный, настырный придурок.

Наступила пауза, и мне пришлось быстро убираться оттуда.

Вы скажете: если бы я все это подарила следствию, украсила пуговицей со штанов хозяина, пришитой мною собственноручно, его бы повязали в момент, и их вместе с женой-соучастницей, подельниками навеки изолировали бы от детей. Ему бы дали столько лет за решеткой, сколько не живут, учитывая предыдущие подвиги и масштабы сумм. А меня бы даже подержали месяцы, если не годы под защитой свидетеля. И я бы тысячи раз все это должна была бы повторять перед судьей и присяжными.

А я вам скажу, что было бы еще, кроме неочевидного торжества справедливости. Меня бы тоже не допустили к этим детям на пушечный выстрел. Я – никто, мигрантка, прислуга, без денег, кола и двора. Не знаю, что было бы с детьми: конечно, американские приюты – это не российский детский дом, скорее застенки, но никогда не знаешь, кто и с какой целью может встретиться на пути детей, за которыми маячат большие деньги. Скорее всего, за ними придет кто-то из банды, станет опекуном.

Что касается суда и присяжных, то я свято верю в американский закон, но люди – это просто люди. И был исторический прецедент, когда присяжные американского суда за сорок минут оправдали безжалостного, откровенного, кровавого убийцу-садиста без всякого подкупа. Их всего лишь правильно обработали, вызвали в них жалость и даже восхищение любимым спортсменом. Тысячи прямых улик и свидетельств были бессильны перед тупой уверенностью: кумир – всегда святой.

А для меня при любом раскладе всегда найдутся колеса, пуля или случайный нож. Никто и не заметит. С моей информацией можно выжить лишь в кромешной темноте.

Короче, адвокат отслеживал ход следствия, его интерес к каким-то финансовым операциям Александра. После визита Кости Пономарева и его сообщения о возможной слежке со стороны давнего врага и разоблачителя, его контакта со следствием приняли решения, что все нужно прятать еще глубже, дела в Америке сворачивать. Они открыли трастовый фонд на огромную сумму – десятки миллиардов на сыновей Груздева, распорядителем до их совершеннолетия остается отец, в случае его недееспособности, ареста, смерти управлять фондом будет Пономарев. Недвижимость, включая особняк в Санта-Фе, перевели на Василису, посадив над нею управляющего с особыми правами, того же Пономарева. Он и останется присматривать за всем, когда скромная чета Груздевых отправится в Москву, чтобы заняться маленьким бизнесом. Александр получил гарантии, что все его дела в России закрыты, списаны в архив и там случайно были уничтожены. А его пригласил в партнеры владелец какой-то захудалой, обанкротившейся пекарни. Судя по разговорам, тот еще чокнутый дегенерат.

Вот в такой опасный путь отправлялись Коля и Петя, мои маленькие, несчастные, золотые во всех отношениях воспитанники, которым без меня никто ни книжки, ни игрушки не купит. Кого никто не утешит, не приласкает. Сердце мое рвалось в клочья.

Бегство

Василиса целыми днями металась по дому, открывала свои бесчисленные шкафы, шкатулки, сейфы с драгоценностями. Все выкладывала, рассматривала, примеряла, хватала меня за подол:

– Ксю, давай решим, что мне с собой брать.

И я сто раз на дню металлическим голосом говорила как можно громче, чтобы до кого-то дошло в отсутствие ума:

– Ничего. Пономарев все тебе посторожит. Надо влезть в самые дешевые джинсы, взять какие-то майки, свитера на смену, немного белья. И теплые куртки – не шубы из соболя и норки. Ты поняла? За вами – шлейф неприятных дел. В России тюрьмы гораздо хуже, чем здесь. Будь скромнее на всякий случай.

Нет, из теплого лучше тебе ничего не брать. Смотрю сейчас: самая простая твоя куртка – минимум год работы скромного россиянина. Купишь там на вещевом рынке. Все в этом ходят. Вполне прилично: Китай, Вьетнам, Белоруссия. За гроши. Я тебе напишу адреса.

– Что ты говоришь, Ксения? – она смотрела на меня глазами, которые разрушили выбранный хирургом «восточный рисунок» и стали огромными, полными страха и ужаса. Вот где лучший рецепт по увеличению глаз. Без ножа. – Как я могу?!!!

Как она может... Если бы ей сказали, что надо бросить детей, отдать в приют – здесь или там, – такого потрясения не было бы. В этом я уверена. А как ей будет там, где все уже с ней было, я могла бы ей очень доступно рассказать.

Как жить на съемной квартире и пить пустой чай из одного пакетика на неделю. Не только потому, что надо довести себя до истощения и пролезть на самом последнем кастинге в модели, но и потому, что нет денег. А из квартиры в любой момент выпрут из-за долга. Как выкладывать свои полуобнаженные фотки на сайтах проституток, заработать у одного вонючего клиента тысячу, а на другую ночь придет тот, который изобьет, изнасилует и отберет все, что есть, до копейки. Как терпеть унижения и оскорбления на подиуме, куда взяли из милости и потому, что спишь по первому свистку с менеджером. Как продаваться в Таиланде всякому отребью в рамках «секс-тренингов». Как...

Все это и многое другое я почерпнула из обрывочных воспоминаний той же Василисы, которая горюет сейчас над бриллиантами и мехами. Когда ей хирург лепил бюст, зад и новые губы, он сначала заблокировал напрочь память. Уже не знаю, в каком она у нее была месте.

– Нормально, – ответила я. – Ты приедешь в качестве замужней дамы скромного представителя малого бизнеса. Матери двоих детей. Думаю, вас уже ждет простая, приличная квартира. А в уме ты будешь держать мысль о том, что у твоего мужа заныканы миллиарды долларов, на тебя записано большое богатство, даже для детей создан фонд. Ты только усвой одно: это можно держать в уме, но ни в коем случае не на языке. Болтливость в твоей ситуации смертельно опасна. Даже с мужем, извини за бестактность. Я только в рамках заботы о ваших жизнях. Чисто интуиция.

Я оставляла растерянную, потерянную Василису, заблудившуюся среди тряпок и побрякушек, и шла к мальчикам. Отвлекать их, развлекать посреди хаоса. И терпеть страшную муку: их вопросительные, тревожные взгляды. Они очень хорошо держались, как крошечные, стойкие мужчины. Коля всего один раз спросил:

- Ксюша, ты поедешь с нами в Москву?

- Нет, - твердо ответила я, чтобы не оставлять иллюзий. И тут же смялась, заблеяла жалко. - Но я приеду. Не сейчас, а когда смогу. Вы там устройтесь... Посмотрите Красную площадь. Все будет хорошо...

Петя вдруг взял меня за руку и произнес:

- Не плачь, Ксюша.

Вот после этого я по-настоящему разрыдалась, уже в своей комнате, заткнув рот полотенцем.

В ближайшую пятницу поехала домой, к Степану. Сказала ему, что только переночую и сразу обратно. Хозяева уезжают в Москву, мне нужно собирать вещи детей. Степан внимательно посмотрел на меня и ничего не стал уточнять. Он очень неглупый человек, всегда чувствовал опасную тему, у которой могло быть тяжелое, неприятное для нас обоих развитие. А я возвращалась и возвращалась к этой теме: Москва.

Поздно ночью, когда мы лежали в спальне и подушки наши тесно соприкасались, в отличие от нас самих, я произнесла:

- Степа, мы здесь уже три года. Ты мог бы взять отпуск. Надо, наконец, узнать, что с нашей квартирой, проверить, наша ли она еще, на месте ли дом. Какая ни есть недвижимость, но в Москве она, кажется, самая дорогая в мире. И съездили бы с попутчиками, я бы в дороге за детьми присмотрела. Знаешь, проблемы акклиматизации у малышей, все такое. Василиса сама не в форме.

Степан резко поднялся, включил свет, взял с тумбочки сигареты, подошел к открытому окну, закурил. И только после этого посмотрел на меня

потемневшими от гнева глазами:

– Отпуск, говоришь? Наша квартира, наш дом, наша собственность, вдруг ты вспомнила? Отдохнуть? Погреться от ада тех обломков, под которыми столько часов умирал наш малыш? Он и был нашей единственной собственностью. Но мне мент выбил зубы, когда я хотел голыми руками разбирать завалы. Они все там стояли с инструментами, в своих робах, курили, жрали бутерброды и говорили, что нет команды, что начальник не приехал. И давно ты нам такой отпуск придумала? Да еще в компании каких-то темных ворюг из России, в поместье которых произошло убийство.

В тот момент я не сомневалась в одном: Степан сейчас ненавидит меня как единственного человека на земле, который знает все в подробностях о непереносимом горе, сломавшем его жизнь, спалившем его душу. Тогда мы были единым больным целым, одной жертвой. Спасались рядом, но уже по одному, каждый по-своему. Нередкий случай, когда горе связывает, но еще больше разделяет людей, как общее преступление. А гибель ребенка всегда кажется родителям их преступлением. Это изнурительное, бессонное, непрерывное возвращение, поиск спасительных вариантов: а если бы я тогда поступил иначе...

Нет большей пытки, чем искать варианты, когда сама их возможность взорвалась и в муках задохнулась под обломками. Мы тогда восемь часов подряд стояли в пыли и слушали плач своего сына. Не знаю, были ли еще дети под завалами нашего взорванного дома, но мы знали, что там плачет, зовет нас Артем. Эксперты впоследствии подтвердили: этот ребенок умер примерно за час до спасения. Взрывы домов были и после. К примеру, в Магнитогорске, о чем сутками писали и передавали все мировые СМИ. И только у наших спасателей находились такие «уважительные» причины не спасать, как отсутствие особых специалистов и техники по спасению именно детей. И еще более веская причина – нет начальства. Как знает весь мир, одного младенца в Магнитогорске вытащили из-под завалов почти через тридцать часов. Это было похоже на чудо, но он выжил. Я смотрела из Америки, как его несут к самолету, чтобы везти в Москву, и выла от того, что с нашим ребенком чуда не случилось.

Можно ли такое пережить? Нет, конечно. Можно ли не возненавидеть людей, жизнь, страну, место, друг друга? Наверное, тоже нет. Я чувствую, что у нас не осталось больше ничего, ради чего стоит пробиваться друг к другу. Возможно лишь поверхностное забытие, но в нем мы будем бесконечно наткаться на

общее знание, на горящие воспоминания, на острые несовпадения во всем. Мы по-разному плачем.

- Прости, Степан, - сказала я. - Давай дотерпим вместе до утра.

Утром я умылась, собралась и попросила у него развод. Степан сначала взглянул на меня затравленно, даже испуганно, помолчал. И сказал с явным облегчением:

- Давай, Ксения. Я люблю тебя, но мы не смогли.

Я приехала на ранчо в Санта-Фе и спросила Василису:

- Ты хотела бы, чтобы я поехала с вами? Мне как раз нужно в Москве уладить дела со своей квартирой. Там был несчастный случай, взрыв газа, боюсь, не снесли ли дом.

- Спрашиваешь! - радостно выдохнула она. - Ты же сама за свой билет заплатишь? Моя дорогая, я в восторге.

Я попросила ее свести меня с одним из адвокатов, чтобы помог мне уладить с документами. Он же помог быстро оформить развод.

И однажды утром я вошла в детскую:

- Ребята, я еду с вами в Москву.

На меня серьезно и светло посмотрели два голубых и два черных глаза.

А Петя притопал и спрятал личико в моих коленях. То был миг моей правоты. Я не могу вернуть родное, улетевшее сердечко. Я могу смягчить боль живых сердец. Они тут, рядом. Бьются под моими ладонями.

Возвращение

В Москве нас встречали. С одной стороны подошли небрежной походкой три типа без выражений на неотличимых лицах. Руки в карманах, челюсти в такт жуют жвачку. Может, бандиты, может, наоборот, продажные представители спецслужб. Есть такие – слуги всех господ. С другой стороны к нам двигался человек, вызывающий некоторую оторопь и ассоциации с пещерами, шкурами, топором и людоедством. Он шагал размашисто и неуклюже, был выряжен в какое-то карикатурное подобие то ли кафтана, то ли френча. Жидкая козлиная борода тянулась до груди, украшенной огромным крестом на массивной золотой цепи. Между нею и прилизанными по обе стороны пробора сальными волосами сверкал настороженный и, как мне показалось, совершенно безумный взгляд маленьких бесцветных глаз.

Он приблизился, окинул нас всех пренебрежительным, угрюмым взглядом и склонил голову только перед Александром. При этом прищелкнул каблуками какой-то доисторической обуви и вытянул руки по швам.

– Рад приветствовать, Александр Васильевич. Польщен доверием. Игнат Архипов к вашим услугам. Готов сразу сопроводить на объект.

– Ладно, – небрежно ответил Александр. – Мы пока поедем на квартиру, осмотримся, отдохнем. Я вам позвоню. Видимо, завтра.

– Позвольте вас сопроводить на квартиру? – спросило это чучело.

– Нет. Эти люди нас отвезут.

– Тогда честь имею. Буду ждать.

И новый партнер бандита и рэкетира Слепцова зашагал к выходу на своих негнущихся ногах. Интересно посмотреть, что это за гусь и какая участь его ждет. В том, что на его участь у хозяина есть какие-то планы, у меня сомнений не было.

Я улыбнулась детям, провела ладонями по их личикам, по открытым в изумлении ротикам.

Петя вопросительно посмотрел на меня. Он так и спросил: «Надо ли бояться этого козла?» Я ответила обоим:

– Забавный, смешной дядя. Мы еще его увидим.

Я поехала с хозяевами на их квартиру. Она оказалась в добротном кирпичном доме на Остоженке. Четыре комнаты, нормальная мебель, огромный холодильник, набитый едой. В небольшом баре на кухне бутылки с выпивкой.

– Что-нибудь еще нужно? – спросил один из сопровождающих.

– Пока нормально. Можете идти. Я позвоню, если что. Оставь имена, телефоны.

– Да. Вот телефон, в нем все нужные контакты с именами. В любое время суток. Я – Роман, бригадир.

Когда они вышли, Александр расположился у бара, явно собираясь продегустировать напитки. Дети с интересом все рассматривали. Смотрели в окна. Василиса стояла среди неразобранных вещей, как статуя отчаяния и жертва землетрясения. Все ее импланты скорбно поникли.

– Ксю, что это?! Мы здесь будем жить? Все вместе тут уютиться? Да я на такой стул не сяду без изоляции. На такой кровати усну только после наркоза.

– А по-моему, хорошая квартира, особенно для людей, которые бежали от пожизненного срока, – ответила я. – У меня в два раза меньше и в десять раз хуже. И то если она в принципе уцелела. А я кандидат математических наук. И главное: это твоя родина, Василиса. Перед сном прими таблетку: я аптечку положила в этот чемодан, вспомни золотое детство, счастливую юность, блестящую карьеру, уснешь, как младенец.

Я разобрала только детские вещи. Пользуясь отвлеченным состоянием хозяев, оборудовала для детей лучшую комнату – с большими окнами и балконом. Перетащила сюда из соседней, угловой, детские кроватки. Помыла как следует ванну, искупала ребят, уложила их спать. Написала на разных бумажках крупными цифрами свой телефон, показала обоим.

Коля сумеет позвонить, когда у них будут московские номера. Петя может показать кому-то, чтобы меня набрали. Бумажки разложила по тумбочкам, под матрасы и даже сунула в двух местах под отжатый плинтус.

Они уснули, в кухне Василиса присоединилась к мужу. Я видела, как она залпом пьет из большого стакана прозрачную жидкость, которая могла быть только русской водкой. Теперь уснет.

Я взяла свою дорожную сумку, нашла неподалеку маленькую гостиницу, сняла номер. И отправилась искать свою квартиру, сломавшуюся и вспыхнувшую от взрыва газа, как бумажный дом из книжки-раскладушки. Свою открытую рану и боль.

Это место

Это окаянное место беды не стало выжженным пятном посреди большого города. Оно не стало угрюмым погостом с одним большим крестом. Оно даже вернуло свое серое умиротворение, как будто его не сносило взрывной волной, как будто не поливало кровью, не проклинали общим воплем слетающих с земли жертв.

Когда я подошла совсем близко к нашей старой девятиэтажке, рассмотрела обновленный, укрепленный фундамент, заплатки на стенах, новые крышу, окна и двери. На двери подъезда блестел кодовый замок, тоже новый, но той самой допотопной конструкции. Я набрала код, он тоже оказался прежним. В вестибюле наткнулась на тетю Клаву с первого этажа. Она сначала уставилась на меня подозрительно, потом в глазах мелькнуло узнавание.

– Ксения, ты, что ли? А мы тут с соседями недавно тебя вспоминали. Как вы все вдруг пропали тогда. Кто-то говорит: да они вроде все под завалами того...

– Не все, тетя Клава. Только Артем. Мы с мужем уехали в Америку.

– Ну и слава богу. Извини, что сказала. Знаешь, мы так до сих пор друг друга и не пересчитали. У каждого свое. Потом тут было такое... Опознавали, хоронили.

Ремонтировали без отселения. Жили в руинах, пыли, грохоте, многие без вещей и без копейки. Но видишь, как наладилось. Можно сказать, красота.

- Можно сказать и так. Как у тебя дела?

- Лучше всех. Я одна. Если бы погибла, некому было бы горевать. Выжила, сама себе радуюсь. А ты прямо красавицей стала, я даже не признала сначала.

- Спасибо. Там климат хороший. Океан и все такое. Я поднимусь к себе. Даже страшно смотреть.

- Не бойся, все сделали, все одинаковое – стены, полы, окна, двери. Ключи новые только в ДЭЗе возьми. Вовремя ты вернулась. Тут в твою квартиру кого-то уже приводили. Наверное, решили, что она – ничья. Знаешь, кто у нас норовит продать все, что плохо лежит.

Это я знала отлично. Через пятнадцать минут стояла у окошка оператора МФЦ и холодела от ее металлического голоса: «Квартира по этому адресу в списке пропавших без вести владельцев. Таких квартир семнадцать... Женщина, я не могу определить – вы оживший владелец или кто-то еще. Это не ко мне». Еще через десять минут я открыла дверь нашего бывшего начальника паспортного стола. Теперь он какой-то начальник здесь, сидит в кабинете под лестницей, и к нему очередь из людей с приготовленными кошельками в руках.

- Здравствуйте, Иван Николаевич. Узнаете меня?

- Чего пришла, Калинина? – маленький человечек с большим животом, подпирающим стол, уставился на меня глазками-пуговками без всякой радости.

- Ключи взять от своей квартиры. Мне в ДЭЗе сказали, вы изъяли. А здесь – что квартира в списке пропавших без вести владельцев. И спросить, не вы ли, случайно, туда водите покупателей?

- Ох, люди. Уже наврали. Мы просто заходили посмотреть. Стоит три года пустая квартира. Знаешь, все соседи сомневались: живые ли вы.

– Соседи, может, и сомневались. Но именно у вас мое заявление о временном выезде за границу, адрес, телефоны, электронная почта. Отправить письмо или позвонить – это в сотни раз быстрее, чем договариваться с кем-то о просмотре и тащить людей в чужую квартиру. Но практический смысл имеет только второе.

– Ладно, не кипятись. Закрутился, забыл, такое горе. Правильно пришла, у меня как раз случайно ключи твои. Как отдохнули? С мужем приехала?

– Одна. Привезла заявление от мужа – просит его снять с регистрации в связи с тем, что остался на ПМЖ. Развелись мы.

– Да ты что! Надо же. Другую, что ли, нашел? Ладно, не мое дело. Все сделаем, иди осматривай квартиру. А я быстро тебя вытащу из списка пропавших без вести. Прямо сегодня свет, газ и воду дадут. Купи кровать и стол, можно жить. Хочешь, я тебе притащу лишние?

– Спасибо, я справлюсь.

Пустое, безликое, ничье помещение встретило меня запахом краски и неистребимой гари. Запах воскрешения, который отчетливее, беспощаднее и, конечно, больнее смерти.

Прошла две маленькие комнаты до того угла, который был у нас огорожен и оборудован под детскую. Преодолела половину своей жизни, всю свою любовь. Добралась до беззубой улыбки синеглазого Артема, до его последнего крика... И выползла из дома скорбной старухой с испепеленной душой и без единой надежды.

Часть третья. Большие перемены

Василиса

Василиса больше не была мне хозяйкой. Это все стороны решили сразу и почти без слов. Василиса, наморщив лоб, посчитала на калькуляторе, сколько будет на рубли пятьсот долларов в неделю. Умножила на курс доллара, затем на четыре, чтобы получить сумму за месяц, ахнула, увидев результат:

– Больше ста двадцати четырех тысяч, прикинь? Наверное, тут совсем другие цены. Узнай, а? – сказала американская миллионерша.

– Узнай сама. Так же просто, как посчитала. Набираешь в гугле «стоимость услуг няни в Москве». Смотри подходящую, видимо, цена за месяц. Я буду приходить регулярно, но, как ты понимаешь, постараюсь вернуться к своей работе.

– Конечно, подходящую. Не на голову же я себе ее посажу. Насчет тебя, конечно, поняла. Думаю, у тебя есть совесть, и ты не оставишь нас всех без помощи.

Короче, она узнала, что подходящая няня из фирмы для детей такого возраста стоит минимум пятьдесят тысяч в месяц. Посоветовалась с консьержкой и наняла девушку-таджичку Ферузу за двадцать в месяц.

Феруза с трудом подбирала русские слова, понимала вообще только простые предложения. Именно этим она понравилась Александру... Василису Феруза сразу пленила тем, что за те же деньги взялась готовить для всех и убирать всю квартиру.

О том, чтобы дети ходили в садик, не было и речи. Мало ли что расскажут. На салоны и пластические клиники для Василисы муж тоже наложил запрет. Ее откровений и знакомств он опасался больше, чем невинной болтовни детей.

Я приходила сюда со своим ключом каждое утро, когда дети еще спали, Ферузы еще не было. Готовила завтрак, кормила детей, они умывались, делали зарядку, гуляли в недолгой тишине и короткой свежести московского утра. Говорили обо всем. Договаривались, куда пойдём на экскурсию в выходные.

Потом ехала на работу. Я купила небольшую подержанную машину, чтобы не терять время на дорогу.

В нашем институте все было по-прежнему. Жалкий диктат угасающего финансирования, отсутствие перспектив самых интересных проектов, исчезающая возможность опубликоваться в хорошем международном издании.

Директор Борис Соколов с облегчением согласился на мое же предложение – работать несколько часов в день по договору. Сумму даже стесняюсь назвать. Так не в ней же было дело. В царстве науки истина живет и в самой убогой хибаре. Любые внешние трудности, ограничения, запреты и решетки – это всего лишь тьма и тлен, которые бессильны перед светом самых маленьких открытий.

Я хотела вернуться туда. Вернуть себе азарт, отчаяние и восторг настоящей борьбы – вчерашнего знания с догадкой из завтра. Только в этом – по-настоящему великий смысл наших усилий, томления душ и напряжения мозга, который был задуман природой как подарок, оружие, единственно возможный храм.

За три года работы в Америке я накопила скромную по всем понятиям сумму. Квартиру свою успела выхватить из вороватых лап Ивана Николаевича. Колеса были. Осталось совместить мое возвращение к науке, – а у меня это запойные, круглосуточные терзания, – с той задачей, которая меня привела в Москву.

Не знаю, как, от чего и зачем, – но здесь я стерегу двух детей. Я даже не сформулирую, кто они мне такие. Я ни за что не произнесу слово «любовь», оно погибло под завалами. Но необходимость наблюдать, контролировать, поджидать опасности вокруг Коли и Пети возникла в сознании как будто без моего участия. И существует как аксиома, как долг и как моя большая тайна.

Для работы есть всегда длинные ночи. А днем я вновь возвращаюсь в квартиру Груздевых. Василиса встречает меня со стоном облегчения и подготовленной порцией нытья. Она ничего не делает. И все больше пьет. Ее откровения и жалобы становятся все более откровенными и, сказать по правде, все более тошнотворными.

В Штатах дорогой хирург написал ей тома инструкций по уходу за собой и своими архитектурными излишествами. Здесь, в обычной московской квартире, без специалистов, салонов, медицинских очищающих и поддерживающих процедур даже посещение туалета становилось для нее проблемой. И она рассказывала мне об этом в самых неприятных подробностях. А уж тема постели

с мужем – это пытка для меня. Как, сколько минут, в какой позе, когда в последний раз...

Я смотрю на нее и тихо ужасаюсь про себя. «Восточный рисунок» глаз смялся, скомкался, обвис. На грудь и зад смотреть страшно. Губы шлепают, как сдувающиеся мячи. Это все требует обновления, черт знает чего еще. Если уж однажды пришла такая идиотская идея в башку, надо быть готовой обслуживать собственное тело, как мумию в мавзолее.

И, возможно, не внешность самая большая проблема. Маленький, инфантильный мозг Василисы не справляется ни с переменами, ни с водкой.

Однажды мне даже показалось, что она под настоящим наркотическим кайфом. Она заговаривается, постоянно что-то забывает, мучительно вспоминает, по любому поводу впадает в панику и истерику. Это деградация.

Василиса в опасности. Василиса и сама опасность.

Александр

С Александром совсем другая история. Он собрался, как хищник перед очередным прыжком, стал энергичным, сосредоточенным, внимательным, уверенным. Похудел без всякого тренажерного зала и бассейна, казался подтянутым и сильным. Впрочем, в его телефонных разговорах я пару раз слышала слова «сауна», «приду подкачаться в твой клуб». Дома он теперь днем почти не бывал, вечером не всегда и, как я заметила, часто приходя на рассвете, ночевками тоже Василису не очень баловал.

Александр вернулся в свою среду и знакомое, изученное окружение бандитского рынка России девяностых годов, когда именно криминальный талант был главным путем к успеху, к большим и невероятно большим деньгам для мелких советских воришек, для отсидевших хулиганов и налетчиков. Сейчас все эти урки стали уважаемыми олигархами, депутатами, владельцами государственных корпораций. Они пришли во власть и в структуры, охраняющие власть. Не факт, конечно, что они легко примут беглого и в свое время кем-то списанного,

возможно, приговоренного претендента на кусок пирога. Но, кажется, именно предстоящая борьба возбуждала и пьянила Александра. Он был постоянно напряжен, как натянутая тетива, и больше не глушил спиртное ведрами. Он явно не хотел быть застигнутым врасплох.

Однажды в воскресенье я приехала днем, чтобы увезти детей на пароходную прогулку по Москве-реке. Складывала на кухне в корзинку-холодильник лотки с едой для перекуса. Не даю детям в дороге то, что продается в палатках.

Василиса еще спала: она раньше часа-двух не встает с постели. Александр вошел, сел за стол, на котором я разложила продукты и фрукты. Какое-то время молча наблюдал. Потом вдруг произнес:

– Ксения, в нашей жизни многое изменилось. Ты больше не няня за пятьсот баксов. Ты стала настоящим другом после того, что случилось на ранчо. Хотел сказать, что я это вижу и ценю.

– Внесу ясность, Александр. В этом доме я друг – только мальчикам. Все остальное меня по-прежнему не касается.

– Не скажи, – возразил Александр, – Василиса совсем поплыла, только ты ее и держишь в сносных рамках.

– И это ради детей.

– Понимаю. Ты – порядочный, последовательный, ответственный и добрый человек.

– У нас производственное совещание? – рассмеялась я. – На повестке раздача завалившихся под флагом знаков почета?

– Типа того. Я рассмотрел тебя в деле и пришел к выводу, что ты могла бы помогать иногда и мне. Ты скажешь, что у меня есть свои исполнители, и ты их наверняка глубоко презираешь. Они есть. Но и презираешь ты мое окружение за дело. Нет ни в ком ни порядочности, ни большого ума. О приличном образовании вообще речи нет.

- Александр, неужели все настолько изменилось, что ты собираешься вкладываться в прогресс? В проект, требующий кандидата матнаук на подхвате?
- Прогресс – понятие очень растяжимое. – Александр встал и плеснул себе в стакан виски. – И вообще. Большое видится на расстоянии. Я не светоч, но человек, который знает, как делать деньги из того, что другие не рассмотрели, такой человек – не куль муки по дороге в прогресс. Нищего прогресса не бывает.
- Смешно. Твое новое дело как раз и есть куль с мукой.
- Вот именно. Как говорится, начнем с истоков. С исконного, посконного, святого хлебушка. А там и соль к нему найдется.
- И воздух этой кухни вдруг пропитался духом одного мракобесного партнера, – радостно заметила я.
- Ну да. Игнат, конечно, здорово перебарщивает, когда косит под невменяемого. Но когда-то это спасло его свободу и жизнь. У него, кстати, высшее экономическое образование и был серьезный, поставленный бизнес. Отобрали, на него объявили охоту. Отсиделся в психушке, вышел с неплохой идеей особо патриотической пекарни. Я вижу в этом перспективу.
- Отмывать деньги через его посконные булки?
- Немного грубо, но близко к сути. Так ты согласна мне помогать иногда? Я не Василиса, услуги дружеские, но с вознаграждением.
- А что нужно делать?
- Держать с Игнатом связь по небольшим вопросам, которые, кроме нас, никого не касаются. Время от времени ездить в его поместье в Домодедово с небольшой сумкой-тележкой, как обычная москвичка едет на дачу к себе или друзьям. Дело в том, что моя, скажем так, охрана прослушивает все мои телефонные переговоры, просматривает все мои перевозки и поездки. У нас общее дело, но кое о чем им знать не стоит. Как тебе предложение? Вознаграждение – от двух до десяти тысяч баксов за поездку.

– Немножко кинуть партнеров, – задумчиво проговорила я. – И меня же уложат, как Григория, в случае чего.

– Никаких оснований тебя в чем-то подозревать, во-первых. И ты мне стала дорога, во-вторых и в-главных. Это значит, что твоя безопасность – моя забота.

Последнее заявление, конечно, самое циничное и где-то смешное в свете того, что мне лучше всех известны подробности кончины его последнего дорогого друга Григория. Но я взяла и согласилась.

По разным причинам. Деньги мне понадобятся, в этом нет сомнений, а я сейчас рядом с ними живу. Опасность, связанная с моей близостью к этому криминальному семейству, достанет меня в любом случае. Я понимаю, что застывшей такая ситуация быть не может. Так лучше же участвовать и пытаться управлять ее развитием.

Да еще мое жгучее любопытство требовало рассмотреть всю эту смертельную бодягу изнутри. А вдруг именно мне будет принадлежать открытие по спасению. Не себя, у меня нет ни одной причины чего-то хотеть и о чем-то мечтать. Кроме: пусть узнают покой и счастье дети, которых судьба зачем-то поставила на моем странном, ставшем совсем одиноком пути.

Игнат Архипов

В свою первую поездку я отправилась на метро и электричке. Клетчатая сумка на колесах была набита с верхом. С двух сторон закрытой мягкой крышки торчали буханки хлеба, длинные пучки зеленого лука, толстые батоны колбасы. Это было украшение. Под ним плотно лежали пачки долларов – по количеству и весу не меньше трех миллионов. Потому и электричка. Я подумала, что, если попаду в машине по дороге в какое-то ДТП, – все закончится, не успев начаться.

Дом Игната Архипова находился примерно в сорока минутах ходьбы от станции. Дорога нормальная, между старыми, могучими деревьями, которые защищали от палящего солнца.

В тот день было больше тридцати пяти градусов на солнце. Теплынь, как в Калифорнии. Между добротными домами не меньше трех этажей – большие расстояния. Жилище Игната я бы нашла и без адреса. Видно, сам проектировал. И нашел таких же чокнутых исполнителей. Из современных материалов они соорудили дикое, мрачное подобие допотопной избы с обшивкой из целых, состаренных, якобы подгнивших бревен, с крошечными подслеповатыми окнами, в которых блестели пуленепробиваемые стекла. Даже крыша была покрыта имитацией мокрой соломы, и торчали такие же черные дымоходы с синтетическими пузырями дыма.

Огромный ржавый амбарный замок на воротах прятал в себе современное электронное устройство. Я набрала на нем сообщенный мне по смс код (он всякий раз будет новым), и ворота немного разъехались, дав мне для прохода небольшую щель. Когда я вошла, они вновь сомкнулись, почти проехав по моей спине.

Игнат встретил меня у крыльца, пристально глядя своими сумасшедшими глазками под кустами неопрятных бровей. Он был в серой косоворотке и сапогах до колен. Буркнул: «Пошли», – подхватил мою сумку и вошел в дом.

Шли по темным коридорам, освещенным небольшими светильниками, стилизованными под свечи и лампы, вошли в довольно просторную комнату, которая, вероятно, была его кабинетом. Огромный неструганный стол, деревянные стулья с высокими прямыми спинками. Иконы в черных рамах на стенах из тех же якобы подгнивших бревен. А на столе ноутбук последней американской модели. Между иконами приличные такие мониторы.

Игнат кивнул мне на стул, Потом зашел в какой-то захламленный закуток, повернулся ко мне спиной и стал доставать содержимое моей сумки. Считал, потом сложил в подобие огромного старинного сундука. И по движениям его рук я поняла, что он набирает шифр современного сейфа.

В ту первую поездку я мало что увидела. На обратном пути он завел меня в кухню с чугунами и ухватами, липовыми печами, – все это оказывалось современной изуродованной техникой. Там стояла женщина в длинной черной юбке и белом платке, завязанном от бровей. Она поставила передо мной кружку с ледяным квасом, и, пока я его пила маленькими глотками, она пристально, остро и недобро разглядывала меня небольшими серыми глазами. Интересно то, что эти глаза смотрели с очень ухоженного лица, явно знающего дорогие

аппаратные косметические процедуры и очень хорошие кремы.

К выходу мы прошли через огромный угрюмый холл. По нему ползали с тряпками две девочки лет двенадцати и пятнадцати. Тоже в длинных юбках и платках.

Я, наверное, слишком внимательно на них посмотрела, потому что Игнат счел необходимым объяснить:

- Дочери. Прислугу мы не заводим.

Из пояснения я сделала вывод, что он меня признал в качестве сотрудника. Решил прояснить, что не использует детский наемный труд. А своих может с кашей есть. Так это и Дума в России разрешила.

На крыльце он вручил мне заклеенный конверт.

- Тут расписка в получении. Александру - наилучшие пожелания.

Мало я увидела в тот раз, но не было сомнений в том, что это мрачное царство лицемерия заполнено большими тайнами и маленькими секретами.

Сумки у меня будут тоже разовыми, как и код доступа.

Возвращалась я в Москву налегке, а ощущение было таким, как будто сбросила не сумку с деньгами, а платформу с кирпичами. На этот раз как-то уцелела. С Александром была договоренность, что по телефону ему не звоню. Приеду в пекарню.

Я была в ней впервые.

Слава богу, у Александра нормальный кабинет, в нем человеческая техника. И никакой садистской мебели, похожей на предметы для пыток.

Я упала в мягкое кожаное кресло. Он положил мне на колени одну за другой двадцать зеленых бумажек по сто долларов.

– Начиная делать сбережения. По поводу расходов обращайся сразу ко мне. Ты сегодня стала моим маленьким финансовым партнером. Учитывая секретность, незаменимым, – объяснил, как отец родной. – Не хочешь выпить, посмотреть наш ассортимент? Есть горячий хлеб, только что испекли.

Я выпила виски, съела большой ломоть горячего хлеба. Ощутила лихую легкость. И даже свободу в совсем несвободных обстоятельствах. Но в тот миг как будто растаяли все опасности. И я могу бежать отсюда с концами. А могу продолжать стричь этих стремных ворюг, пока не придумаю возможность создать какой-то благополучный и защищенный мир.

Какая глупость. Я сидела на кочке посреди ядовитого болота, которое не затянет на дно только в одном случае. Если его залить бензином и спалить. Но без передышки на глупость мне просто не дожить до завтра.

На обратном пути мы проходили по отделу сопутствующих товаров.

Я взглянула и ахнула:

– Александр, что это?! Розги, плети, какие-то ремни, явно предметы истязаний. Ты связался с безумной скотиной, но сам-то соображаешь немного? Тебя посадят не за мошенничество, а за распространение предметов насилия. А эти плакаты! Вход запрещен нерусским, геем... Ты в своем уме? Это же гнусная дискриминация. Статья!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mihaylova_evgeniya/imitaciya-strasti

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)